

T32 731

Т 32 731

Г. Ф. ЧИРКИН.

КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРА

И

ПУТИ СООБЩЕНИЯ.

ПЕТРОГРАД.

Типо-литография Комиссариата Северо-Западного Округа Путей Сообщения,
Фонтанка, 117.

1920.

в.г.

с/ст

Г. Ф. ЧИРКИН.

T32 731

КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРА

И

ПУТИ СООБЩЕНИЯ.

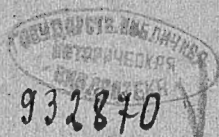
50/2

ПЕТРОГРАД.

Типо-литография Комиссариата Северо-Западного Округа Путей Сообщения,
Фонтанка, 117.

1919.

сп. 39

Извлечено из „Трудов Совещания о подвездных путях состоящего при
Отделе Новых Линий и Подвездных Путей Технического Управления
Народного Комиссариата Путей Сообщения. Выпуск II-й за 1920 г.

Колонизация Севера и пути сообщения.

Производительные силы и богатства Северного края нашей родины весьма разнообразны. Но они мало исследованы, разбросаны по обширному и бездорожному краю большими и малыми оазисами, а бесконечные леса и болота затрудняют жителям этого края занятия земледелием и скотоводством и служат преградой для прилива *нового* населения в край. Ныне край безлюден и пустынен, представляя из себя, в экономическом смысле, „географическое пространство“.

Остановить наблюдающийся упадок Северного края может только колонизация края, понимаемая как планомерная последовательная система государственных мер, направленных к развитию в крае хозяйственной и промышленной жизни на основе рационального, интенсивного и всестороннего использования природных богатств и экономических возможностей.

Этого до сих пор не было. Исследователи оставили ряд несогласованных, отдельных попыток, возникавших по частным случаям, к осуществлению тех или иных экономических начинаний по развитию Севера, но эти начинания до конца не доводились и не давали ожидавшихся от них практических результатов. Голос местного населения звучал слабо. Север плакал молча в тех медвежьих углах, куда никто почти не заглядывал, а общественная мысль и мысль государственных людей была отвлечена движением на юг и восток: к теплу, к свету, к солнцу.

„В то время, когда все без исключения северные города приходят в упадок,—пишет Максимов в *художественном* издании „Живописная Россия“, которое по своему замыслу, казалось бы, должно было будить мысль и возбуждать творчество,—и год за годом теряют многое, великорусский юг поражает необычайно сказочною силою роста. На смену жалкой Вологды, совсем захудалого Устюга, обвевлюдевших Холмогор и Вычегодско-Соли выступают: Таганрог, Донской Ростов, Херсон и Одесса, в десятки лет скопляющие сотни тысяч *свежего* населения. История великорусского севера *кончилась*.

Его монотонная, наводящая грусть песня обрывается и замирает в сильных тонах новой, заводимой свежими и сильными голосами, не здесь, а совсем в противоположном месте* *).

На юг и восток пошли новые железные дороги, по ним потекли оттуда хлебные реки на мировой и внутренний рынки, потянулись поезда переселенцев, стали возникать новые промышленные предприятия, а север пустел. Ныне он дает для народного хозяйства едва ли не меньше, чем в эпоху Ивана Грозного. А между тем, богатства Севера мертвы постольку, поскольку нет к ним доступа, обеспечивающего их вывоз и сбыт и выгодную оплату организаторов и рабочих.

Об этом свидетельствует и история здесь горного дела, и настоящее положение лесного промысла, нужды и запросы рыбного дела и состояние сельско-хозяйственного промысла в крае.

Олонецкий край,—колыбель русской металлодобывающей промышленности,—давший первую русскую пушку и прекрасного качества чугунное литье, образцы которого можно видеть в решетке набережной реки Мойки, Полицейского моста, решетке Государственного Банка, основаниях колонн Казанского собора,—совершенно заглух в горнопромышленном отношении. Причина тому вовсе не истощение руд. Здесь, напротив, сосредоточены богатейшие запасы озерных железных руд. Одно лишь Выгозеро имеет свыше 700 миллионов пудов руды, с содержанием железа около 40%. Железные руды имеются во всех почти многочисленных озерах края, имеется здесь магнитный железняк и магнитный блеск и богатые месторождения медных руд. Строительные материалы Олонецкого края получили в свое время широкую известность: Шокшинский кварцит Олонецкого края послужил материалом для саркофага Наполеона в Парижском Пантеоне, олонецким мрамором облицован Исаакиевский собор.

Главная и основная причина замирания горной промышленности Приозерного края—это бездорожье и безлюдье край и покровительственная тарифная и железнодорожная политика в отношении южного и уральского горных районов и полное пренебрежение интересов Севера.

Опыт свидетельствует, что при годовой добыче озерной руды хотя бы в один миллион пудов, чугуноплавильный завод в Олонецкой губернии мог бы выделять в о-военное время чугун стоимостью в 40 коп. за пуд, при средней рыночной цене в 70 коп. за пуд. Но ни один завод не мог получить руды в год более 120 тысяч пудов по следующим основаниям.

*) С. В. Максимов. Крайний Север и север Европейской России „Живописная Россия“, под редакцией П. П. Семенова, т. I, стр. 60.

Озерная руда добывается только в летнее время с плотов и лодок и на глубине не свыше $2\frac{1}{2}$ саж. жестяным черпаком, при условии тихой погоды. Эти условия и ставили предел добычи руды в лето в одном озере не свыше 120.000 пудов: местное население работает по добыче руды только в свободное от полевых работ время, а частые бури останавливают работу и в те немногие дни, когда население в состоянии производить эту работу. Остановившиеся заводы Олонецкого края, при таких условиях, могли существовать лишь при подневольном труде приписного к ним населения. С упразднением подневольного труда, заводы остановились за отсутствием рабочих и топлива, которое нужно было подвозить за десятки верст, что, при отсутствии дорог и лошадей, стало невозможным.

Каждое слово истории горнозаводской деятельности в Олонецком крае, весь список погибших предприятий говорит о настоятельной необходимости путей сообщения и прилива населения. Всякая организация здесь горного дела, без устройства дорог и колонизации края, беспочвенна и эфемерна, так как трудность и медленность перевозок поглотят всю прибыль и нарушат все расчеты.

Леса Севера, составляющие по своей площади 75% всех лесов государства, отпускали за последние перед войной годы за границу 60 миллионов пудов лесного товара, ценностью в 20 миллионов рублей. Швеция же, Норвегия и Финляндия, при общей их территории, одинаковой с территорией только двух северных губерний — Архангельской и Вологодской и при удобной лесной площади на $\frac{1}{3}$ меньшей, отпускали в до-военное время за границу, сверх покрытия внутреннего употребления, 600 миллионов пудов леса, ценностью в 200 миллионов рублей, т. е. в 10 раз больше соответствующих данных о вывозе из всех наших северных портов. При этом нельзя не отметить, что население трех названных стран в шесть раз превышает население Архангельской и Вологодской губерний и, следовательно, для покрытия внутреннего потребления, излишки которого вывозятся за границу, требуется в столько же раз большее количество лесных продуктов.

Уже одно это сопоставление с убедительностью свидетельствует об отсталости нашей северной лесопромышленности от соседних стран, мало чем отличающихся в географическом и климатическом отношениях.

Отсталость эта усугубляется еще тем, что в дачах, пройденных рубкой, остается неиспользованной древесины от 40 до 80% (*), благодаря чему дачи засоряются и заболачиваются. А заболочен-

*) См. Казенное лесное хозяйство в Архангельской и Вологодской губ. Изд. Лесного Департамента, стр. 43.

ность дач, пройденных хищнической рубкой, распространяется и на нетронутые рубкой соседние районы. В результате наша лесопромышленность живет не процентом на основной капитал, а истребляет основной капитал. Леса сводятся, край заболачивается и пустеет.

Влияние такой лесопромышленности на местную жизнь и быт населения исследователями этого вопроса оценивается отрицательно. А. А. Кауфман в своей книге о колонизации свободных земель северо-восточных губерний *) приводит следующий факт относительно Усть-Немской волости, Усть-Сысольского уезда, одного из главных районов развития лесных заготовок. По сведениям земства, заработки населения этой волости на лесных заготовках за один год достигали почтенной цифры 70.000 руб. И за год пропивалось в винных лавках не менее 40.000 руб. Не удивительно, что в Усть-Немской волости сильное развитие лесных промыслов шло рядом с крайнею бедностью. По свидетельству одного старожила Усть-Сысольского уезда отхожие заработки на лесных заготовках, подрывая здоровье населения, ослабляя семейные узы, производя порчу нравов, нисколько не улучшают экономического положения населения, а только ухудшают, так как при отхожих промыслах сельское хозяйство остается без присмотра, строения без своевременного ремонта, принесенные деньги быстро расходуются на уплату повинностей и на закупку предметов роскоши.

По новейшим обследованиям, произведенным В. Ф. Поцовым, промысел по заготовке и сплаву строевого леса для заграничного отпуска, ныне дающий самый крупный заработок населению Усть-Сысольского уезда, лет 25—30 тому назад только начавшийся, а также отход населения на рубку дров на приуральские заводы—привели к тому, что Усть-Сысольский уезд, 25 лет тому назад обеспечивавший себя собственным хлебом на круглый год, производит ныне собственного хлеба не более, как на $\frac{1}{2}$ года **).

Таким образом, современная лесопромышленность нашего севера, давая весьма скромные результаты по вывозу леса за границу, в сущности опустошает природные богатства края и не дает здоровых оснований для хозяйственного устройства трудового населения, занятого на лесных заготовках.

По мнению авторов отчета „Казенное Лесное Хозяйство в Архангельской и Вологодской губерниях“ ***), современное положение

*) См. Материалы и соображения по вопросу о колонизации свободных земель северо-восточных губерний. Отчет члена Ученого Комитета М-ва Земл. и Гос. Им. А. А. Кауфмана, стр. 143.

**) Труды экспедиции по исследованию земель Печорского края, стр. 11—13.

***) Отчет по командировке в 1910 году директора Лесного Департамента А. Ф. Кублицкого-Пиоттуха и вице-инспектора Корпуса Лесничих Д. Д. Назарова, см. стр. 58.

лесной промышленности севера Европейской России обуславливается: 1) общей малонаселенностью края; 2) недостатком или даже полным отсутствием железнодорожных путей сообщения; 3) недостатком или плохим состоянием всякого рода других путей сообщения—водных и грунтовых; 4) монопольностью прав казны на землю, при которой затруднено возникновение промышленных предприятий на правах полной собственности.

Малонаселенность края является серьезным тормазом для всякого рода промышленных предприятий на Севере. На территории более миллиона квадратных верст, в двух названных губерниях числится около 1,7 милл. населения, что составляет в среднем 1,7 чел. на квадратную версту, тогда как на такой же территории Швеции, Норвегии и Финляндии насчитывается до 10,7 миллиона жителей, или, в среднем, 11 человек на квадратную версту. Уже одно это сравнение указывает, при каких различных условиях приходится действовать промышленности в том и другом случае. В пределах Архангельской и Вологодской губерний имеются ныне настолько пустынные местности, что операции заготовки и доставки леса приходится вести в них путем целых экспедиций рабочих из отдаленных мест, с предварительной закупкой провианта для людей и корма для лошадей. Наличие готовых рабочих рук на месте представляется необходимым условием дальнейшего успеха лесопромышленности, и в этом отношении на первый план выступают вопросы колонизации края.

На ряду с сим и вопрос железнодорожного строительства должен стоять в неразрывной связи и быть согласован с колонизационными планами. Железные дороги должны быть колонизационными осями, разрезающими край в соответствии с нуждами лесной промышленности и согласованным с работами по улучшению водных сообщений. Существующее расположение рельсовых путей представляется крайне нецелесообразным. Линия Вологда—Архангельск и Вятка—Котлас оставляют вне всякого железнодорожного сообщения площадь более 800 тысяч квадратных верст. На всей же названной территории в миллион квадратных верст имеется ныне около 1.000 верст рельсовых путей или около 0,001 версты на площадь в квадратную версту, тогда как, например, в Финляндии это соотношение в 10 раз больше, а в Швеции больше даже в 20 раз.

Как основное колонизационное задание для лесопромышленности нашего севера, необходимо, чтобы железнодорожная сеть дала возможность утилизировать сырье *на месте произрастания дерева* и отправлять готовый товар к рынкам экспорта, выгадывая на дешевизне рабочих рук и на оставлении отбросов производства на месте.

Такую роль и сыграла железнодорожная сеть Швеции, где на всей территории страны вблизи железнодорожных пунктов откры-

вались лесопильные заводы и заводы древеснобумажной массы, эксплуатирующие лес при условии доставки его на небольшие расстояния водой или гужем. На карте Швеции с обозначением деревообрабатывающих заведений бросается в глаза их разбросанность по стране, тогда как наши северные лесопильные заводы почти все сосредоточены в самих рынках экспорта. При таких условиях, когда лесозаводчику приходится тянуть бревна 1.500 верст водою с реки Вычегды до гор. Архангельска, трудно рассчитывать на полную утилизацию древесины на месте.

Вся наша лесопромышленность зиждется пока, главным образом, в отношении транспорта на сплаве. Но водный транспорт при всех его преимуществах и выгодах чрезвычайно *медлителен*. Начинается он, обычно, с выплавки заготовленных бревен и других лесных материалов по маленьким речкам, большею частью маловодным и извилистым. В виду маловодия этих речек и быстрого спада весенних вод в течение 7—10 дней, со сплавом приходится всегда очень спешить. Бывает нередко так, что при быстром спаде воды сплавляемые материалы „обсыхают“ на берегах уже в пути и остаются до следующей весны; при этом лес этот часто расхищается. Кроме того, при сплаве леса значительный процент сплавляемого леса тонет. Для некоторых древесных пород, например, березы, процент „утопа“ доходит до 30% и больше. Для этого леса процент утопа настолько велик, что приходится давать березовым материалам „перелетовать“, т. е. продержать их на берегу для просушки в течение одного летнего сезона и сплавлять в последующую за ним весну. Понятно, что такие операции связаны с большой потерей времени и с накладными расходами.

С народно-хозяйственной точки зрения нельзя не считаться с тем обстоятельством, что сплав леса отрицательно влияет на такой источник народного богатства, как рыболовство. Помимо запружения рек и озер лесными материалами, чем обуславливается невозможность ставить сети и снаряды рыболовов, воды рек засоряются множеством древесной коры, гниение которой отравляет рыбу. На многих из русских рек исчезновение рыбы объясняется именно этой последней причиной.

При таких условиях, в целях наибольшего использования древесины, особенно теперь, при громадном повышении ценности леса на рынках сбыта, настоятельно необходимо стремиться к достижению того, чтобы деревообрабатывающая промышленность *пришла на место произрастания* сырья, а это достижимо лишь при условии правильно разработанной сети рельсовых, водных и гужевых дорог в связи с колонизацией края. Параллельно с осуществлением этих общегосударственных задач, по мере поднятия эконо-

мического и культурного положения края, должны идти вперед и технические приемы ведения здесь казенного лесного хозяйства, т. е. дробление хозяйственных единиц-лесничеств, упорядочение отпусков леса, мелиорация неудобных площадей. Словом, как развитие горного дела, так и лесной промышленности возможно только на основе колонизации края.

На основе колонизации края возможно только и развитие здесь рыболовного промысла.

Стоимость заграничного ввоза к нам рыбы исчислялась в до-военное время в 38 миллионов рублей, в том числе на 24 миллиона сельдей. Между тем, в наших водах Белого моря и Мурманского побережья с избытком можно было бы покрыть всю нужду в сельдях отечественным рыболовством. В до-военное время на рыболовный промысел по Мурманскому побережью выезжало ежегодно до 3.000 рыболовов местных и до 5.000 посторонних. Из 35 миллионов пудов добываемой в наших северных водах рыбы только $1\frac{1}{2}$ миллиона пудов приходится на русских рыболовов. Остальное вылавливается иностранцами. В то время, как улов рыбы в Каспийском море достигает 30 милл. пудов, в Беломорско-Ледовитом бассейне русский лов не превышает 2 миллионов пудов. Между тем, водная площадь северного бассейна составляет 14% всей поверхности края, а добыча рыбы в России стоит на 3-м месте, тогда как на 1-м месте стоит Америка при 0,33% ее озерной площади. Ненормальность такого положения усугубляется еще тем, что рыбные богатства вод нашего Мурманского побережья и Белого моря, при их недостаточной изученности, все же обнаруживают такие показательные данные, которые свидетельствуют о полной возможности широкого развития на севере рыбного промысла, могущего, при устройстве консервных заводов, не только способствовать разрешению продовольственного кризиса на севере, но и создать крупную отрасль экспорта рыбы за границу и на юг России.

Известно, что тресковые массы, появляясь из неведомых океанских пучин, периодически из года в год, около декабря месяца, подходят для процесса икрометания к берегам Норвегии у Лафотенских островов. Здесь происходит самый значительный в мире тресковый промысел. Спустя некоторое время, вся масса рыбы движется постепенно на север к берегам Финмаркена и весной после икрометания она, истощенная, подходит к Мурману. Здесь в фауне Мурманского моря она находит обильные кормовые запасы, быстро откармливается, делается, по выражению промышленников, „сытой“, „воюкистой“ (воюкса—печень). Здесь при летнем улове трески дает не менее 15 пудов печени на 100 пудов трески, тогда как в Норвежских водах на 100 пудов трески приходится

10 пудов печеночного жиру. На ряду с треской, под общим названием трескового промысла, на Мурмане ловится: треска, пикша, зубатка, палтус, морской окунь.

При всем рыбном богатстве Мурманского моря, современный, мурманский промысел протекает в тех же условиях, как и столетие тому назад. Местное колонистское население, при своей ничтожности, совершенно не в состоянии что-либо сделать для поднятия мурманского улова и, не имея сносного промыслового вооружения, в большинстве положительно бедствует. Улов рыбы производится с убогих беспалубных промысловых судов, преимущественно „шняк“ и „ел“, грузоподъемностью от 200 до 300 пудов. Работа на этих судах требует от ловцов всегда невероятной затраты физической силы.

Вопрос о настоящей и неотложной замене „шняк“ и „ел“ промысловыми судами более совершенного типа является самым большим. Если бы современный мурманский промысловый флот был заменен парусными и моторными ботами, то, при том же самом количестве судов и ловцов на Мурмане, общий улов Мурманана возрос бы раз в 5. Средний заработок „шняка“ и „елы“ за все сделанные на промысел выезды составляет около 300 руб., а парусного бота—1.200 руб. При этом, если за весь летний промысловый сезон на Мурмане „шняка“ делает 35—40 выездов, то палубный бот, имеющий хорошую парусность, делает в 3 раза больше рейсов. И в то время, как в Норвегии парусно-моторный промысловый флот быстро прогрессирует, мы стоим на точке замерзания. В Норвегии в 1903 году было всего 30 парусно-моторных судов, в 1907 году их было 647, а в 1909 году—1.736 и в 1910 году стало уже 2.407, тогда как у нас свыше 80% промыслового флота составляют „шняки“ и „елы“ *).

Реорганизация промыслового флота на Мурмане и развитие его морских промыслов стоит в тесной связи с колонизацией Мурманана. В настоящее время на Мурманском побережье находится 54 колонии, представляющие собою промысловые поселки убогих скученных строений, с крайне антисанитарными условиями жизни. При скоплении промышленников в них во время летних мурманских промыслов картина удручающая. За неимением свободных жилищ, часть промышленников располагается просто под открытым небом, перевернувши на берегу свои „шняки“ и „елы“. Большая же часть промышленников размещается по „станам“. „Станы“ представляют собою ни больше, ни меньше, как сколоченные из досок на скорую руку скверные сараи. Гавани совершенно необорудованы.

*) Сведения эти взяты из книги А. А. Жилинского: „Морские промыслы Белого моря и Ледовитого океана“.

Входы в становище с моря освещаются плохо. Мурман имеет удручающий внешний вид плохой необорудованности.

В деле колонизации Мурмана не было никакого плана: переселенцы селились там, где хотели. Это влекло за собою много нежелательных последствий и недоразумений, в особенности на почве захвата луговых пространств. Отношения между колонистами и коренными обитателями Мурмана — лопарями представляют ряд сплошных недоразумений, захватов и широкого самоуправства вследствие неопределенности прав на угодья лопарей и мурманских переселенцев. Значительно вредит делу колонизации Мурмана неотграниченность черты колонистских поселений от казенных земель. Одним словом, здесь нет элементарных основ для хозяйственного устройства населения края, а без него нечего думать и о развитии рыбного промысла. Хаос и неорганизованность в деле колонизации Мурмана совсем почти не привлекают сюда людей, которые составили бы оседлое промысловое население.

Между тем, пример соседней Норвегии для нас поучителен. Норвежское правительство в пограничной с нами полосе — западный берег реки Паз — строит для колонистов дома, разрабатывает участки земли под сенокосы, проводит дороги, — словом, делает то, что делало при колонизации Сибири Переселенческое Управление, отлично сознавая, что каждый грош, разумно затраченный на это дело, вернется сторицею.

„Нигде, говорит Бухаров, быть может, более, чем на русско-норвежской границе у церкви св. Бориса и Глеба, не встречается более разительной, тяжелой для нашего самолюбия разницы между порядком, существующим в России и рядом в Норвегии. В прилегающем к границе округе южного Варангера мы видим прекрасные шоссированные дороги, проложенные с большими затратами по трудно пересеченной местности, для соединения далеко разбросанных друг от друга поселков. Субсидированный правительством пароход еженедельно летом и раз в 14 дней зимой поддерживает пассажирское сообщение с городами Вадеэ и Вардэ, а следовательно, и со всем светом“ *).

Не лучше обстоит дело на севере и с сельдяным промыслом. Главные сельдяные промыслы севера сосредоточены на побережье Кемского уезда. „В промысле сельди царят все еще прежние архаические, дедовские способы добычи, когда кажется промышленник не сам ищет рыбу, а сидит и выжидает, когда она сама к нему подойдет“ **). Ни о какой организации сельдяного промысла на севере говорить сейчас не приходится. Также плохо обстоит дело

*) Бухаров. Поездка по Лапландии, изд. Русск. Геогр. Общ. СПб. 1885 г.

**) А. А. Жилинский. Морские промыслы Белого моря и Ледовитого океана.

и с семговым промыслом. Промысел этот в некоторых местах Архангельской губернии составляет общественную доходную статью, из чего происходит много недоразумений. Промысел семги и на Мурмане является предметом распри и всевозможных недоразумений между ловцами семги. Причина подобного явления кроется, с одной стороны, в плохой постановке дела колонизации Мурмана, а с другой — в несоответствии нашего законодательства с условиями жизни и быта этой окраины.

Канинский полуостров и Чешская губа являются одним из выдающихся не только северных, но и мировых промысловых районов. Край этот, несмотря на свою полную отрезанность в течение большей части года от всякого сообщения с внешним миром, отсутствия здесь всякой переселенческой политики, полную свою неустроенность, сравнительно успешно колонизируется. За последнее десятилетие по побережьям рек образовалось много маленьких поселков. Самый большой из населенных пунктов в этой местности с. Несь, в 100 верстах от города Мезень на Канинском берегу, имевший 20 лет тому назад всего лишь 15 дворов, в настоящее время насчитывает свыше 60 дворов.

Возможность производства здесь рыбных и звериных морских, речных и озерных промыслов ставит край в исключительно благоприятные условия для его развития и заселения, благодаря возможности развития одновременно и сельско-хозяйственной промышленности. Необычайное обилие луговых пространств по берегам рек, впадающих в Чешскую губу, побуждает местное население к усиленному занятию скотоводством. В селениях Чешской губы оно ведется в значительных размерах. На каждый двор, в среднем, приходится до десяти голов рогатого скота, не считая овец и лошадей *).

Самым главным промыслом Канинского полуострова является промысел наваги. Наваговый промысел за последнее время усиленно развивается. Сюда тянется ежегодно вереница промышленников с верховьев реки Мезени. В то время, как 20 лет тому назад в Канинско-Чешском районе добывалось до 15 тысяч пудов наваги, ныне общий улов определяется в 150 тысяч пудов ежегодно. Наваговый промысел дает большие заработки населению.

Но жизнь промышленника на наваговых промыслах крайне тяжела и полна всяких лишений и случайностей. Жить промышленникам приходится во время промыслов в небольших курных избушках, которые в некоторых местах представляют целые поселки. Приходится питаться черствым, нередко полугнилым хлебом, запасая им в печеном виде из дому на весь период промысла, что

*) А. А. Жилинский. Морские промыслы Белого моря и Ледовитого океана

вызывает желудочные заболевания. Медицинской помощи на промыслах получить нельзя. Отсюда ясно, что развитие рыбных и звериных промыслов в Каининско-Чешском районе обуславливается успешностью колонизации и развитием путей сообщения. Без этого названные окраины, как и весь север, обречены на застой или крайне медленное развитие.

Жизненные запросы севера в отношении сельского хозяйства и возможности развития его предъявляют те же колонизационные задачи.

Наличное население севера, как общее явление, сосредоточилось по берегам рек, как естественных и единственных путей сообщения в крае. В сторону от этих путей бесконечные, трудно проходимые, чередующиеся с болотами лесные пространства, не поддающиеся культурному воздействию наличного населения. Это население лесными зарослями и болотами, как бы, прижато к более дренированным берегам рек, и при всем кажущемся просторе и многоземельи крайне стеснено в угодьях. „Земли нет“, заявляют на севере. И действительно, развитие сельского хозяйства при современных условиях техники испытывает недостаток сельскохозяйственных угодий. А отсюда необеспеченность населения продуктами сельского хозяйства. Получилось непонятное противоречие при безграничном земельном просторе, при плотности населения, не превышающего одного человека на квадратную версту — *факт малоземелья*.

Обуславливается это, на первый взгляд несообразное, явление земельно-правовыми и естественными историческими условиями.

В ряду земельно-правовых условий на первом месте следует поставить, произведенный без соображений и хозяйственной пригодности, отвод земель в надел местному населению. Земли отводились по составу угодий крайне односторонне, обычно вытягиваясь вдоль рек, порой на десятки верст, узкими лентами.

По составу угодий, обращение в культурные земли становилось частью, в виду односторонности этих земель, или невозможным, или крайне трудным. В Архангельской же губернии и в северо-восточной части Вологодской землепользование ограничивалось до самого последнего времени плапами генерального межевания конца XVIII века. Это же межевание производилось без каких-либо наделных норм, что и повело к крайне неравномерному распределению земли. При таких условиях поземельного устройства на севере и создалось порой искусственная скученность населения у рек и обесценение междуречных пространств.

Практика же администрации по отношению запросов земельных нужд населения к казенным дачам носила противоречащий самой себе характер. Разделка земель под сельскохозяйственные угодья изпод леса в черте казенных дач и дач генерального

межевания то поощрялась, то запрещалась, то ставилась в зависимость, каждый раз, от взгляда центральных властей и местных лесных чинов. В конце концов хаотичность в этой области правил и настойчивые преследования лесной администрацией „подсек“ и „расчисток“ в лесах повели почти к совершенному прекращению их в казенных дачах, и население тем самым поставлено было перед необходимостью прекратить естественную колонизацию края и свое распространение по северным дебрям. А запрещение „чищоб“ под сенокосы повело к тому, что не стало хватать удобрения, без чего посевы на севере немыслимы, и размеры хлебопашества пошли на убыль.

Отсюда ясно, что только поземельное устройство местного населения, непременно связанное с колонизацией края, может устранить те внешние препятствия для развития сельскохозяйственного дела на севере, которые заключаются в неопределенном и колеблющемся теперь положении местного земельного права.

Надлежащие правовые земельные условия на севере помогут взаимодействию и усилению той связи между луководством и содержанием скота, с одной стороны, и между полевым хозяйством — с другой, — связи, которая и сделает только возможным сельскохозяйственную колонизацию края и поднятие экономической жизни местного населения.

Среднее, необходимое количество навоза на десятину земли в Вологодской губернии составляет 1.600 пудов. Означенное количество может получиться от 3 голов скота, для прокормления которых нужно до 5 десятин покоса. Отсюда ясно, что не только улучшение животноводства, но даже его количественное увеличение, в целях развития хлебопашества, немыслимо без энергичных мер на севере по расширению кормовых запасов, а последние требуют, прежде всего, количественного расширения лугового фонда и качественного его улучшения. Колонизационная программа должна учесть и изучить все опытные в этом отношении данные, произведенные на месте и строить свои планы в соответствии с дальнейшими указаниями научно-опытных данных, к организации которых, в соответствии с такими коренными запросами колониационного дела на севере, и необходимо приступить.

Широкая активная работа опытных сельскохозяйственных учреждений тем более необходима, что, при трудности борьбы за существование на севере, угроза голода еще долгие годы будет висеть над нами, если энергично не будет приступлено к земельно-хозяйственному устройству и колонизации. При этой созидательной работе по колонизации и устройству севера, в целях ее плодотворности, необходимо использовать прежде всего опыт техники и научной практики соседних северных стран. Только при иссле-

довании научно-практических данных по вовлечению в хозяйственный оборот естественных богатств наших соседей путем активного переноса их на русскую почву с принятием на учет наших естественно-исторических особенностей, достижимо развитие народно-хозяйственной жизни на нашем севере, обещающей широкие возможности.

Возьмем хотя бы Олонецкую губернию. Почти треть (около 32%) ее составляют неудобные земли: 4 миллиона десятин земли находятся под болотами. Удобных земель в обширных наделах крестьянского землепользования насчитывается едва 15%. При земельном просторе, в среднем, на крестьянское хозяйство приходится 2,8 десятин пашни и около 4 десятин сенокоса. Своего хлеба для продовольствия и на корм скота хватает не более, чем на полгода.

Между тем, пример соседней Финляндии показывает, что и в условиях Олонецкой губернии сельское хозяйство может быть достаточно выгодно и расширено. Естественные условия таковы, что вполне допускают широкое развитие скотоводства и в значительных размерах полеводства, но необходимо добывать нужные кормовые площади из болот, как это делают наши соседи. Осушение болот Олонии сможет создать 2-3 миллиона десятин новых земель, пригодных для полеводства, луговодства, пастбищ и лесоводства. Этот крупный фонд, конечно, не будет целиком использован местным населением и будет служить колонизационным целям.

По свидетельству С. А. Приклонского, обширные олонечские сенокосы явились в недавнее время на местах, где в прошлом столетии расстилались никуда негодные болота. Начиная с 1912 года, крестьяне принялись за осушку болот. Многие селения соединились в одну рабочую общину и дружно ополчились против болот. Например, 33 селения, лежащие в Туксинской даче, соединились вместе для осушки болота, два года рыли каналы, потом два года выжигали болото и, наконец, засеяли горелое место хлебом. Посев дал почти баснословный урожай—сам-25.

Возьмем другой район—в восточной части нашего севера: Межевский переселенческий подрайон Вологодской губернии, вблизи Пермь - Котласской железной дороги. Здесь „когда в 1911 году я лично знакомился с условиями развития переселенческого дела,—пишет С. Нат *),—мне приходилось встречать цветущие поселки, все старшие жители которых страдали грыжами поголовно от надрывной работы и расчистки лесов под пашни. Все виденное мною доволство, вся зажиточность: богатые поля пшеницы, прекрасные сельско-хозяйственные постройки, здоровый и сильный жи-

*) С. Нат. Леса и земельный фонд. Доклад съезду Союза Лесоводов 29 сентября 1917 года.

вой инвентарь—все это бьющее в глаза благосостояние не могло успокоить того чувства справедливой досады, какое возникло при воспоминании другой стороны медали,—что все это благосостояние добыто тяжелым надрывным трудом, доведшим до тяжелой болезни и сведшим раньше времени многих из этих тружеников в могилу“. Приведенное положительно-отрицательное показание исследователя свидетельствует о культурной восприимчивости в сельско-хозяйственном отношении описанного района нашего севера и указывает на необходимость, в целях облегчения труда и спасения жизни будущих колонизаторов севера, взять государству на себя заботу широкому содействию колонизаторам при превращении диких лесов в пахотные угодья. А чтобы государство могло плодотворно это выполнить и предохранить будущих колонизаторов от ошибок, оно должно широко развить в таких районах опытное дело, связав его со всеми колонизационными начинаниями на основе серьезно разработанного плана и подготовительных изысканий. Колонизационная программа должна учесть эти исследования и строить свои планы в соответствии с этим опытом и укладом жизни местного населения.

Жизненность подобных начинаний на севере подтверждается и свидетельством непосредственных строителей новой жизни в лесной северной глуши, доказавших своим опытом и трудом возможность приобщения к культуре пустынных лесных пространств севера.

На совещании особой Межведомственной Комиссии по колонизации севера, проходившем 21 марта 1919 года на станции Опарино, в центре переселенческого района, расположенного к северо-востоку от района Межевского, принимали деятельное участие сами переселенцы, несколько лет прожившие в Опаринском районе. Это, по преимуществу, выходцы из Прибалтийского края.

Из высказанных на этом совещании сообщений колонизаторов Опаринского района выяснилось, что, при условии широкой агрономической помощи и целесообразно организованных мелиоративных работ, колонизация Опаринского района может развиваться вполне успешно. Сельское хозяйство должно основываться здесь на луговодстве и молочном скотоводстве. Представитель Союза Кооперативов, переселенец Козлов, особенно подчеркнул необходимость постановки агрономических опытов и устройства метеорологических стаяний для изучения климата, так как переселенцу приходится теперь идти ощупью даже в отношении времени посева. Необходимо обеспечить переселенцев племенным скотом, так как местный скот мало производителен.

По заявлению переселенца Лозовского, некоторые неудачи в сельском хозяйстве у новоселов зависят, главным образом, от вредного влияния леса. Нередко посевы губит холодная вода,

стекающая по ним из обширных лесных массивов, задерживающих снега порою до июня месяца. Между тем, достаточно было бы прорыть канавы для стока снеговых вод в реки и овраги, чтобы достигнуть удолетворительных результатов. По свидетельству переселенцев, выходцев из Прибалтийского края, почвы здесь значительно лучше, чем в Прибалтике, а луговоедство и травосеяние дают блестящие результаты. Участники совещания переселенцы указывали на исключительные урожаи тимофеевки, достигающей при благоприятных условиях роста выше пояса, и клевера. Эти ценные травы составляют естественный покров больших полей в лесу и лугов. По словам переселенца П. Аасмана, для прокормления 6 коров с избытком хватает 3 десятины луга. Главный тормаз успешности сельского хозяйства—это отсутствие соответственных навыков и губительное влияние лесов на сельское хозяйство, успешность которого зависит в значительной мере от того, насколько переселенец сможет „обрубиться“, т. е. отодвинуть от себя стены леса.

Таким образом, и голос непосредственных строителей новой жизни в лесах севера и хорошие результаты их труда, купленные, однако, вследствие отсутствия надлежащих государственных мер по колонизации, дорогой ценой жизни целого поколения, и запросы к северу нашего народного хозяйства в его целом—обуславливают необходимость продуманности практической программы использования дремлющих природных богатств Севера. Вопросы сельскохозяйственного опытного дела в этой программе должны играть первенствующую роль в соответствии с ожидаемыми задачами железнодорожного строительства, вызываемого, в свою очередь, запросами мирового рынка.

Если суждено будет осуществиться Великому Северному Пути, то творческое значение этого пути для народного хозяйства России бесспорно и велико. Но оно *все в будущем*. Пусть этот, в буквальном смысле слова—пионерный.

Он прорежет лесную страну, как отмечалось выше, в 103 миллиона десятин, где проживает всего 7 миллионов населения при плотности от 0,9 человека на кв. версту до 5 человек на ту же версту. Он свяжет с мировым рынком не менее девственную область, но быстро развивающуюся под влиянием притока туда творческой силы нового населения, т. е. колонизации, „мировую Калифорнию“, как выразился Т. Рузвельт, Сибирь, на долю которой, по словам того же Рузвельта, выпадает высокая честь *напитать* истощенную войною Европу.

Если представить себе, что создал Великий Сибирский путь и колонизация его трудящимся населением всего за 15 лет, то,

учитывая природные богатства Севера, станет ясно, что *может* создать Великий *Северный* путь.

1) Посевная площадь Сибири увеличивалась за последнее до войны время *ежегодно* на 1 миллион десятин, что *ежегодно* давало рынку 50 миллионов пудов хлеба, т. е. новую ценность в 50 миллионов руб. по ценам до-военного времени.

2) Вывоз хлеба из Сибири возрос с 5 миллионов пудов до 150 миллионов пудов.

3) Сибирская железная дорога из бездоходной превратилась в доходную: в 1913 г. дала 13 миллионов рублей *чистой* доходности.

4) Вывоз масла из Сибири, как результат колонизационного хозяйства, достиг к началу войны 5 миллионов пудов, что в переводе на до-военные цены составит 75 миллионов рублей, т. е. вдвое больше, чем давало русскому народному хозяйству вся русская золотопромышленность.

Если иметь в виду приведенные *опытные* данные, что может сделать пионерный железнодорожный путь, как плуг, вспахивающий *целину*, то, уясняя себе целинность еще Северного края, подобных же результатов следует ждать и на Севере, но лишь при условии широкой колонизационной политики.

Уже само по себе одно сооружение этого пути, эксплуатация лесных пространств и эксплуатация пути потребует, по *опытным* и *сметным* данным, свыше 100 тысяч рабочих сил. А их на месте *нет*. Следовательно, нужно их привести с *семьями* для прочной оседлости. Ведь нельзя же строить путь и организовывать *воспроизводящие* его предприятия на *привозном* труде, *привозных* лошадей, *привозить* сено и продовольствие. Все это необходимо создать на месте. А потому 100 тысяч рабочих потребуют устройства на месте и своих семей. Это *необходимое условие* для разумного бытия великого пути. Устройство, следовательно, 500—600 тысяч душ обоего пола (семья 5—6 человек)—это *первая* очередная задача по колонизации Северного пути, ему *сопутствующая*.

Использование ценных лесов, на коммерческо-государственных основаниях, требует не хищнического истребления леса, что происходит до сего дня, превращающего леса в болота, а использование леса с устройством лесных районов для человеческого культурного обитания. Только при этих условиях и лес приобретет ценность на месте, смягчится и климат, появятся на месте продукты сельского хозяйства, *беспорность* чего установлена и *опытными* данными и реальными новыми поселениями, как отмечено выше, возникшими за последние годы. Все это является необходимым условием для *древобделывающих* и *древобперерабатывающих* предприятий в районе Северного пути.

Опытные данные по этому делу в районе Тарских урманов, в пределах Тобольской губернии, в районах худших и по почвенным, и климатическим условиям, блестяще доказали это положение. Заселение этих урманов шло медленно и неудачно. И только тогда, когда лесные склады Переселенческого Управления организовали здесь систематические лесные заготовки, когда здесь были устроены небольшие заводы для химической обработки древесных отходов, когда у нового населения явился стимул, не отходя от своих новых мест поселения, корчевать свои пашни и лесные отбросы сдавать за деньги на заводы, Тарские районы быстро окрепли. Ныне на раскорчеванных от леса полях новоселы Тарского урмана имеют в среднем по 5-ти десятинам посевов на хозяйство, тогда как по данным Всероссийской переписи 1916 года посевная площадь крестьянского двора Вологодской и Новгородской губерний составляет всего 1,9 десятины.

Таким путем нужно идти и в районе Северного пути. Такой путь эксплуатации леса, наряду с вывозкой на мировой рынок ценных лесных насаждений, закладывает основы разумного хозяйственного устройства пустынной территории, которая быстрее всего возвратит затраченный капитал.

Здесь не место касаться всех деталей и подробностей перспектив колонизационного дела в районе Северного пути. Важно лишь установить, что эта сторона вопроса должна быть поставлена во главу угла бытия Северного пути. В этом залог его коммерческого успеха.

Одним словом, колонизационные задачи Северного пути—это его реальное содержание, и ради их широкого государственного значения только и может быть оправдана концессия на основах „канадизации“ для Великого Северного пути. Колонизация—это альфа и омега экономического возрождения русского Севера, она же альфа и омега Северного пути, имеющего стать великим при условии экономического возрождения севера. Она же неразлучная спутница всякого железнодорожного пути на Севере.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСТОРИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА

